

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Утром 6 апреля 1945 года начался штурм Вены. С юга и востока на город наступали две советские армии — 4-я и 9-я Гвардейские. Гитлеровцы сопротивлялись с невиданным упорством. Это был последний бастион на пути к южной части Германии. В районе Вены находились последние месторождения нефти, которые рейх мог использовать в военных целях.

Фюрер бился в истерике, призывая солдат держаться. Вену окружили противотанковыми рвами, город ошетили стальными ежами и противопехотными заграждениями. На улицах строили баррикады, почти все каменные здания превратились в крепости для многодневной обороны. Саперы заминировали все мосты через Дунай.

Живой силы для удержания города было предостаточно — Вену обороняли остатки танковых и пехотных дивизий из состава 6-й танковой армии СС, курсанты венской военной школы, полтора десятка отдельных батальонов. Для участия в уличных боях из состава полиции сформировали

четыре полноценных полка. С самого начала битва приняла ожесточенный характер. Немцы яростно отбивались, бросались в контратаки.

Но наши войска продвигались, давили сопротивление. 6-я Гвардейская танковая армия обходила город с запада — предотвращая отход врага в этом направлении. Танки преодолели сложный массив Венского леса, обогнули город и через сутки вышли к Дунаю. Вену зажали с трех сторон.

Уличные бои не стихали, с боем брали каждый дом. Группа разведчиков под проливным огнем разминировала Райхсбрюке — главный городской мост. Венскую группировку рассекли на части и методично добивали. Войска, наступающие с юга, соединились в центре города с танками 6-й Гвардейской армии. Гарнизон еще сопротивлялся.

11 апреля советские войска форсировали Дунайский канал — и сопротивление нацистов было сломлено. Остатки группировки сдавались в плен, небольшому количеству военных удалось прорваться в северном направлении...

Восточнее Вены, километрах в пятидесяти, расположился городок Абервельд — компактное поселение на двенадцать тысяч жителей. Город окружали живописные холмы. По Абервельду петляла и убегала в Богемию речушка Права, обрамленная крутыми берегами. Жизнь текла размеренно, в городе стоял небольшой гарнизон, несло службу подразделение Ваффен-СС.

Внезапное наступление Красной армии нарушило привычный покой. В успех русских здесь не верили. То, что они прошли Румынию, Венгрию, часть Польши, — это одно, но здесь, на рубежах тысячелетнего рейха, такое невозможно! До последнего не укладывалось в головах. Считалось, что немецкая армия не будет отступать бесконечно и когда-нибудь перекроет дорогу диким ордам.

Австрия казалась неприступной. Часть священной земли — незабываемый аншлюс 1938 года, Венская опера, Штраус, Шуберт, родина фюрера...

Но все обернулось крахом. 12 апреля, когда в столице еще стреляли, из Абервельда вышла на север колонна грузовиков «Опель-Блиц» с зачехленными кузовами. Две машины шли с грузом, третья перевозила пехотинцев, они носили руны «зиг» в петлицах и имели на вооружении автоматы STG-44 — недавнюю разработку германских оружейников. Охрана двигалась впереди, замыкал процессию легковой «Мерседес» с опущенным верхом.

Красная армия еще не подошла, эвакуацию не объявляли. Гарнизон получил приказ обороняться до последнего. Только упомянутая колонна в этот день покинула город. Она шла по единственной дороге в северном направлении. До ближайшего городка Гуфштадт было двенадцать километров. Дорога змеилась вдоль холмов по

живописной местности. Перелески перемежались скальными массивами.

Эвакуировались оборудование и продукция секретного предприятия. Гауптштурмфюрер Горман сидел рядом с водителем «Мерседеса», нервничал и кусал губы. Почему не сделали этого раньше? Трезвые головы прекрасно понимали, что Австрия обречена, почему тянули до последнего, на что рассчитывали? Даже в столь тяжелое время военная бюрократия не может не удивлять!

Гауптман Горман был исполнен дурных предчувствий, интуиция подсказывала, что добром это дело не кончится. Его чутье в этот день не подвело.

Советская разведка имела сведения о планах противника. Взвод парашютистов сбросили в квадрат перед рассветом — на полпути между Абервельдом и Гуфштадтом. Населенные пункты на маршруте отсутствовали, преобладала скалистая местность. Немецкая ПВО уже фактически не работала, в воздухе господствовала советская авиация.

Десант сбросили на малой высоте, самолет растворился в низкой облачности. Старший лейтенант Кузнецов имел задачу воспрепятствовать движению колонны. В идеальном случае — захватить, в крайнем — уничтожить. Имелись точные данные, в котором часу она пройдет.

Парашютисты заняли выгодные позиции среди скал. Колонна попала под шквальный огонь

из автоматов ППШ и ручных пулеметов Дегтярева. Попытка немцев прорваться потерпела неудачу. Колеса головной машины превратились в лохмотья. Пехотинцы покинули кузов, рассредоточились у дороги. Их расстреливали со скрытых позиций в скалах. Надрывал глотку гауптштурмфюрер Горман. Пятились грузовики с захваченными кузовами. Они перевозили хрупкий и дорогостоящий груз. Водители вывели машины из опасной зоны. Объездная дорога отсутствовала.

Силы были примерно равны, но советские десантники имели тактическое преимущество. Они рассредоточились на гребнях скал и имели возможность поражать даже лежащие мишени.

Гауптштурмфюрер отдал приказ: сбросить противника со скал! Эсэсовцы безропотно пошли в атаку, половина полегла под проливным огнем, остальные откатились назад. Горман сорвал голос, но продолжал кричать — и докричался: его бездыханное тело осталось в канаве водостока.

Эсэсовцы дрогнули, стали отходить. Из Абервельда прибыла подмога — два грузовика с солдатами вермахта. Режим секретности уже не играл никакой роли.

Пехотинцы имели ручные гранатометы «Панцерфауст». Позиции десантников заволок густой дым. Взвод Кузнецова нес потери, но держался. Старший лейтенант мрачно шутил: «Как в Сталинграде, черт возьми, ни шагу назад!»

Несколько раз противник бросался в атаку и отходил. Горстка десантников зубами вцепилась в клочок каменистой земли. Противник потерял не меньше тридцати человек и уже начинал понимать, что дорога на север ему заказана. Попытки обойти десантников не увенчались успехом.

Пехота отступила, грузовики с ценным грузом развернулись и покатали обратно в город. Сил для прорыва уже не было.

Гарнизон Абервельда был небольшой, силы требовались для защиты города. И майор Клаустерманн, возглавлявший оборону, принял смелое решение: послать «параллельное» ведомство к чертовой матери! Почему его люди должны умирать за секреты СС? Пусть сами ищут выход из создавшейся ситуации.

Колонна отступила, вырваться другой дорогой даже не пыталась — иначе бы ее засекли. Да и не так уж много было выездов из города.

У старшего лейтенанта Кузнецова в строю осталось двенадцать бойцов. Скончались двое раненых. Командир принял решение сменить позицию. Парашютисты отступили на север, метров через пятьсот заняли новую позицию, установили пулеметы. Проезжую часть заминировали радиоуправляемыми фугасами и стали ждать.

Остаток дня и ночь прошли спокойно. Прошел еще один день. По радиии сообщили: «Вена наша! Войска продолжают наступление!»

Но вокруг Абервельда образовался какой-то вакуум — островок спокойствия среди хаоса войны. Наутро загрохотала канонада — на юге шел бой. Гремели взрывы. По дороге из Абервельда потянулись беженцы, проехала санитарная машина, забитая ранеными. Этим людям парашютисты не препятствовали. Колонна с грузом не появлялась — даже разбитая на части. Воинские подразделения Абервельд не покидали — сражались до последнего за своего бесноватого фюрера...

К полудню 14 апреля сопротивление на южных подступах к городу было сломлено. Разбитые подразделения уходили в город. Абервельд был компактным поселением, занимал площадь в шесть квадратных километров. Мобильные подразделения на полуторках зашли с флангов, перекрыли северные предместья, окончательно замкнув кольцо.

Городок был нарядный, из орудий по зданиям не стреляли — да и надобность такая отсутствовала. Отходящие немцы вели беспорядочный огонь, разбегаясь по улицам. Эсэсовцев среди защитников не осталось, сопротивление потеряло смысл. В плен сдавались не массово, большинство все же надеялось сбежать. Солдаты бросали оружие, прятались в домах. Кто-то переодевался в гражданское платье, надеясь раствориться в массе мирных жителей...

Городские улицы прочесывали передовые подразделения. Хлопали выстрелы, истошно голосила женщина. Автоматчики с красными звездами на шапках выгоняли на улицу безоружных фрицев, те садились на колени, поднимали руки. В город с южного предместья вошла колонна бронетехники. Лязгали траками танки «Т-34», тяжелые «ИС» и «КВ».

Улица Фельдбергассе пересекала западную часть городка, тянулась к северной окраине. Войска спешили покинуть город, направлялись на Гуфштадт. Двухтонные «ГАЗ-ААА» и американские «Студебеккеры» тянули штурмовые орудия. Полуторки везли полевые кухни и личный состав. Пехотинцы двигались по дороге пешим строем — отдувались, с любопытством глазели по сторонам.

Весна была в разгаре, светило солнце. Идеальные плюс пятнадцать (а на солнце и того больше), бодрящий ветерок. На деревьях и кустарниках распускались почки. Переход на летнюю форму еще не объявили, но шинели у большинства бойцов были скатаны, висели через плечо.

Голова колонны преодолела предместье, втянулась в город. Населенный пункт фактически зачистили. Автоматчики стогнали в кучи пленных — бледные солдаты вермахта тоскливо смотрели на проходящие мимо советские танки. Из пеших колонн доносились язвительные выкрики, бойцы показывали немцам неприличные же-

сты. Где та Красная армия, которую можно было безнаказанно гнать на восток в 41-м?

Группа сотрудников контрразведки 38-го стрелкового корпуса передвигалась вместе с колонной. Пока их маршруты совпадали. Два «ГАЗ-67», имевшие весьма боевой (то есть побитый) вид, пристроились за грузовиком с пехотой. За «газиками» шел фургон, напоминающий будку, — служба радиопеленгации. За фургоном полуторка с автоматчиками лейтенанта Маркуши — бойцы были приданы оперативной группе и подчинялись ее начальнику, майору Гордину.

Майор сидел рядом с водителем внедорожника, рассматривал карту у себя на коленях. Иногда поднимал глаза, фиксируя необычные виды, потом опять утыкался в карту. Наконец аккуратно сложил ее и втиснул в кожаный планшет.

Майору недавно исполнилось тридцать три, он был сравнительно высок, поджар, имел правильные черты лица, с которого не сходила нахмуренность. Андрей Гордин второй месяц возглавлял оперативный отдел контрразведки 38-го корпуса 9-й Гвардейской армии и уже мог похвастаться парой легких ранений, несколькими обезвреженными диверсионными группами и рядом нейтрализованных шпионов (не всех, к сожалению, удалось взять живыми).

Текущее задание откровенно раздражало. Сведения были скудные, круг вовлеченных лиц не

уточнялся, площадь поиска приличная. И слишком туманно выглядел объект охоты. Он считался важным — не зря же так усилили группу: в подчинении майора, помимо радиотехников и автоматчиков, находились шесть оперативных работников: трое сидели в головной машине, остальные — в ведомой.

— Во дают, — присвистнул сидящий за баранкой молодой лейтенант Несмелов — в меру смысленный, имеющий дурное обыкновение улыбаться даже там, где не надо. Объектом внимания стали два бойца отнюдь не богатырского сложения. Они выгнали из подворотни десяток безоружных немецких солдат. Пленные спотыкались, тянули вверх руки — словно к гимнастическому турнику, пугливо косились через плечо. Эти двое напоминали пастушков, усмирявших непокорное стадо. Немцы сбились в кучу, что-то лопотали, а наши бойцы орали на них, заставляя сесть и заткнуться.

Рассмеялись Булычев и Свечников, сидящие сзади.

— Ну и куда нам столько пленных, товарищ майор? — недоумевал Несмелов. — Их же поить-кормить надо, где-то содержать, людей выделять на охрану.

— Пусть будут, — проворчал Гордин, — Не твоя забота, лейтенант. Пусть у пехотного начальства голова болит.

Колеса постукали по старинной брусчатке. Мимо проплывали невысокие двухэтажные дома с причудливой архитектурой. Острроверхие крыши, многие из них имели по четыре ската, балконы, увитые пока еще голыми вьюнами. Здания не отличались размерами, имели окна с белыми обводами. Кое-где в горшках уже распускались цветы.

Ближе к центру этажность подрастала — появлялись трех- и четырехэтажные дома. Здесь традиционно использовался стиль фахверк — когда опорные конструкции установлены снаружи, а не внутри здания. Мирные жители выглядели из окон, прятались за занавесками. Выходили самые решительные, мялись у дверей. Советские пехотинцы дружелюбно махали им руками. За западной окраиной возвышались холмы, практически горы — покатые, сверху донизу обросшие растительностью.

— Эх, Альпы, вот вы какие... — с подозрительной мечтательностью выдал Несмелов.

— Это не Альпы, товарищи невежды, — покосился на него Гордин, — Альпы в Австрии — это Тирольская область, еще какие-то дальше, на запад.

— А здесь что? — спросил широкий в кости обладатель обманчиво добродушного лица — старший лейтенант Свечников.

— А здесь ничего, — пожал плечами майор, провожая взглядом остроконечный шпиль като-